

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008+323.1

Н. В. Синявина

Поиск национальной идеи в русской культуре начала XX в.

Статья посвящена проблеме поиска национальной идеи русскими интеллигентами в начале XX в. Автор в начале статьи кратко рассматривает основные тенденции, способствовавшие формированию национальной идеи Руси – России, а затем переходит к выявлению и анализу различных факторов, сложившихся к началу 1900–1910-х гг., не позволивших ее сформулировать.

Ключевые слова: интеллигенция, нация, национальная идея, национализм, идея соборности, православие.

N. V. Sinyavina

Search of the National Idea in the Russian Culture in the Beginning of the XX century

The article is devoted to the problem of searching the national idea by the Russian intellectuals in the beginning of the XX century. The author in the beginning of the article briefly examines basic tendencies, providing formation of the national idea of Rus – Russia, and then passes to reveal and analyse different factors, which had been by the beginning of 1900–1910, which did not allow to formulate it.

Keywords: intelligentsia, a nation, the national idea, nationalism, an idea of collegiality, orthodoxy.

Генезис данной проблемы – поиск национальной идеи – был обусловлен кризисом мировоззрения, который выражался в разочаровании позитивизмом и, как следствие этого, потерей ценностных ориентиров. Это проявлялось в процессе возрастающего обезличивания внешних форм жизни, в нивелировании индивидуальности, в стремлении человека выявить и познать свою сущность и характеристики, поэтому нельзя считать случайностью интерес к таким явлениям культуры начала XX в., как биографический жанр в литературе, астрология, хиромантия, теория наследственности и генная инженерия, активное развитие психологии. Но подобное любопытство не могло заменить отсутствия ценностно-смысловых ориентаций, ибо принадлежность к данной нации определяется исповедованием строго очерченного набора ценностей. Интеллигенция, как самая чуткая часть общества, осознавала опасность отсутствия общерусской идеи, поскольку это могло привести (и привело) к распаду государства как единого целого. А. Н. Толстой отмечал: «Распадение тела государства физически болезненно для каждого: кажется, будто внутри тебя дробится что-то бывшее единым, осью, скелетом духа, дробится на куски» [2, с. 213].

Еще славянофилы заложили традицию, согласно которой понятие национального рассматривалось не в социологическом, а в культурно-историческом ключе. Художественная интеллигенция и в XIX в., и в начале XX в. трактовала нацию как феномен, рождающийся в результате исторической деятельности, обладающий своим, уникальным ментальным набором характеристик. В кризисные периоды, полагала интеллигенция, когда предстоит выбор исторического пути, именно надрациональный культурный код нации определяет ее дальнейшее развитие.

При подобной трактовке нации большую роль играют культура и религия. Именно они выступают смыслообразующими факторами, которые устанавливают межвременную и межпоколенную связь, удерживают нацию от распыления и обеспечивают ее самовыражение. Культурно-религиозный смысл национальной идеи представлял в двух формах:

– во-первых, религиозное выражение культурного кода нации, причем с опорой именно на православие;

– во-вторых, поливариантность культурных «путей спасения» нации (данный подход рассматривал различные культурные феномены, способные выступать как смыслообразующие).

И в том, и в другом случае религиозно-национальная идея опиралась на национальную культуру. Н. Бердяев отмечал: «Если существует национальный дух России, то дух этот ищет истины как пути и жизни, то есть истины живой, конкретной. Только в этом может быть наше всемирно-историческое дело. Путь этот был уже указан основоположниками славянофильства Киреевским и Хомяковым, на пути этом стояли такие светочи, как Достоевский и Вл. Соловьев» [1, с. 39].

Русская интеллигенция 1910-х гг. надеялась преодолеть кризис на базе культурно-религиозного ренессанса. Понимаемая таким образом национальная идея явно противопоставлялась рациональному революционизму, набравшему обороты в тот период, который разрывал связь времен. Бердяев отмечал, что «смешно было бы противопоставить духу Достоевского дух Когена или Риккерта» [1, с. 39]. Рационализму и революционным настроениям противопоставлялось учение о Софии Владимира Соловьева.

А. Лосев, говоря о Софии, отмечал, что «эта сторона глубин действительности, которая, оставаясь идеальным бытием, максимально стремится к реальному и материальному <> Это картина всей бесконечной действительности, которая сама еще не стала чувственной и исторической действительностью, но уже является ее прообразом» [3, с. 186].

Философия В. Соловьева, точно так же, как и русское православие (в отличие от западных конфессий), была иррациональна. Вера в Бога с точки зрения православия характеризуется как соединение душевной гармонии, умиротворения, благодати и терпимости. Обращение к вере в этот сложный для русского общества период не случайно. Именно православие в момент формирования древнерусского государства явилось консолидирующим фактором, почвой, для сложения русской национальности. Не сразу оно вошло в сознание древнерусского человека, поскольку выбор религии был определен политической волей Владимира Святославовича. И тот факт, что летописи не зафиксировали точное место крещения великого князя и его дружины (согласно официальной версии это была Корсунь, хотя еще со времен А. А. Шахматова эта точка зрения отвергается, не будем забывать и о существовании гипотезы крещения в Василеве, небольшом городке вблизи Киева); и отсутствие в X–XI вв. на Руси таких понятий, как «правоверный» или «неправоверный» христианин, достаточно было

просто быть крещеным; и определение Церкви в древнерусской литературе (вплоть до Кирилла Туровского) как храма, то есть всего лишь постройки, но не сообщества верующих, – все это свидетельствует, что христианство и его этика не сразу стали доминировать в мировоззрении древнерусского человека. Но появление православия на Руси дало главное – указало вектор развития и подарило надежду (например, Иларион называет своих сограждан-язычников «безнадежниками»), «то есть культурный оптимизм, который стал мощным цивилизационным импульсом» [6, с. 20]. Именно вера производит метаморфозу с Ярославом Мудрым, который в первые годы правления в Киеве ведет себя скорее как язычник. Назвать конкретный момент преобразования князя невозможно, но имя человека, повлиявшего на этот процесс, известно, – Иларион, священник из села Берестова, ставший духовником Ярослава Мудрого. Именно с этого момента зарождается традиция взаимодействия духовной и светской власти, способствовавшая в будущем созданию Древнерусского государства, ибо перенос митрополичьего престола из Киева сначала во Владимир, а потом и в Москву превратил последнюю в центр русского православия, отдавая ей тем самым и первенство политическое.

Вплоть до религиозной реформы Петра I (отмена патриаршества и введение Синодального управления РПЦ) именно православие определяло содержание и смысл национальной идеи (самый яркий пример – «Москва – Третий Рим, и Четвертому не бывать»). После же преобразования Петра древнерусская «синкретическая культура – вера» (И. Кондаков), сумевшая выстоять, несмотря на церковный раскол в середине 1650-х гг., и остаться неделимой, раскололась на две части – собственно культуру и собственно веру. Кроме того, произошло и размежевание сословное (фактически можно говорить о выделении двух субэтнотосов): дворянство, чьей прерогативой стала культура светская, ориентированная на западные образцы, и крестьянство, сохранявшее народные традиции. Именно с этого момента ответственность за формирование содержания и смысла национальной идеи перешла к политической элите, императорскому двору. Но проблема заключалась в том, что дворянство составляло в тот период лишь 2 % от общего числа граждан, поэтому идеи, формулируемые им, не всегда становились общерусскими (например, искусственная и нежизнеспособная триада графа

С. С. Уварова «православие – самодержавие – народность», родившаяся в начале 1830-х гг.).

С середины XIX в., а особенно после реформ 1860-х гг., инициатива в культурных и социально-политических начинаниях переходит от дворянства к другому сословию – разночинцам. Именно из этой среды выйдут интеллигенты, чувствующие ответственность за выбор исторического пути России. В начале же XX в. в сознании некоторых интеллигентов вера соединилась с национальным чувством. Этот симбиоз нуждался в поддержке, ибо, с одной стороны, во время I Мировой войны национальное чувство было оскорблено и унижено, а с другой, так опорочена и обесчещена к этому времени деятельность официальной церкви.

В. Соловьев в своей второй речи, посвященной памяти Достоевского, говоря об идее вселенской церкви, сравнивал ее, указывая несходство и с «храмовым» христианством, когда люди продолжают посещать церковное богослужение по привычке, и с «домашним», которое ограничивается лишь личной жизнью христианина.

Таким образом, вопрос о национальной идее должен был привести к осознанию своего места в истории и, как следствие этого, пробудить интерес ко всему национальному. Попытки сформулировать общерусскую идею предпринимала не только художественная интеллигенция, но и представители бизнеса. Например, основывая в 1907 г. газету «Утро России», П. Рябушинский писал: «Мы предполагаем создать для России новый тип политически-культурной газеты, твердо веря, что только мощная культурная работа закрепит все наши политические завоевания. \diamond Политическая работа должна идти в органической связи с общекультурной и, влияя на нее, черпать в ней же основы своей базы» («Утро России», 1907, 16 сентября).

Дабы единение было более прочным, П. Рябушинский проводил в 1908–1912 гг. так называемые «беседы», приглашая представителей промышленности и научную интеллигенцию. Результатом этой деятельности в 1911–1912 гг. стала работа «Великая Россия. Сборник статей по военным и общественным вопросам». Главную роль в его появлении сыграли В. Рябушинский, выступивший редактором-издателем, П. Струве и кн. Е. Трубецкой. У некоторых читателей название двухтомника могло вызвать ассоциацию с известным тезисом П. Столыпина – «Нам нужна великая Россия». Но смысл, вкладываемый Рябушинским и его товарищами, был

совершенно иным. Расхождение во взглядах на проблему национального и исторического пути развития России премьер-министра и издателей сборника можно проследить на примере статьи Струве «Великая Россия» 1908 г. В ней он, вступая в заочный спор со Столыпиным, стремится доказать, что за словами «Великая Россия» он видит, прежде всего, не стремление вернуть нечто архаичное, пусть и величавое, а желание сформулировать идею новой государственности, в основе которой будет лежать «народный» национализм. Окончательно эта мысль оформляется у Струве к 1910 г., что нашло отражение в статье «Два национализма», где он сравнивает «официальный» национализм, для которого характерны стремления удержать существующий порядок и систему государственности, с «народным», проявляющим себя через духовно-нравственное и культурное развитие нации. «Великому народу, создавшему могущественное государство, – писал Струве, – не только нравственно приличествует, но и интересам его здоровья отвечает открытый, мужественный, завоевательный национализм, провозглашающий и осуществляющий свободное состязание национальностей» [7, с. 303].

Художественная интеллигенция полагала, что возможной основой для преодоления кризиса, для решения «больного национального вопроса» (С. Дягилев) должны стать традиции христианского «универсализма», идея соборности В. Соловьева. Именно его философия стала истоком для возникновения на русской почве символизма. При сравнительном анализе можно выявить между ними немало схожего: во-первых, эсхатологичность мышления и, как следствие этого, ощущение конца истории; во-вторых, твердую уверенность в особой миссии искусства, что выразилось в идее «жизнестроения».

Но проблема заключалась в том, что символы, как и большая часть русской интеллигенции, были мало знакомы с реалиями народной жизни и устремлениями зарождавшегося революционного движения России начала века, что привело к невозможности предсказать действительный ход развития страны. Однако, несмотря на это, представители данного направления видели свое предназначение в решении проблем народа, нации, России. Именно русский народ был отправной точкой их размышлений, они чувствовали ответственность за него, выступая в этом преемниками традиции, идущей от представителей Просвещения.

Но идеи «жизнестроения», предлагаемые символистами, не опиравшиеся на прочную почву знания народа, вылились в очередную утопию. Кроме того, набирала обороты русская революция, предлагавшая совершенно иные ценности и миропорядок, в котором отсутствовали и духовная культура, и религия. В связи с этим общество охватили эсхатологические настроения, а главным героем будущего виделся Хам (Роман Д. Мережковского «Грядущий Хам» вышел в 1906 г., и название книги стало нарицательным, его часто использовали в публицистике 1900–1920-х гг.).

Первая мировая война способствовала, пусть и на короткий период, формированию в русском сознании национально-патриотической идеи. «Мир покачнулся и сделал еще один шаг к концу. Потом остановился, как Пизанская башня, наклонившись над бездной» [6, с. 139]. Именно этот катаклизм заставил отказаться от всего несущественного, преходящего и сосредоточиться на главном. Национальный дух соединился с государственной властью и, как следствие этого, «русская идея» вобрала в себя и интересы правящего класса и нации, и религиозное чувство.

Таким образом, для национальной идеи война не всегда бывает катастрофой, иногда она выступает и необходимым стимулом. Первая мировая война становится предметом рефлексии писателей, поэтов, художников: Вяч. Иванов назвал немцев «наглым племенем», подражающим Риму; А. Ахматова, впервые обращаясь к военной тематике, писала о христианском самопожертвовании ради спасения России; на фронт уходят Н. Бруни, Н. Гумилев, Д. Кузьмин-Караваев, М. Ле-Дантю, Б. Лившиц и др.; военными корреспондентами становятся А. Толстой и И. Зданевич; О. Мандельштам два года проработал в Союзе городов (военная вспомогательная организация).

Вступление России в Мировую войну вызвало всплеск этой темы и в русской мысли. Ей были посвящены статьи многих теоретиков либерального и веховского направления: Н. Бердяева, С. Булгакова, П. Милюкова, П. Струве, князя Е. Трубецкого. Они же участвовали и в создании нескольких сборников («Вопросы мировой войны», «Чего ждет Россия от войны»). Активно публиковали подобные статьи журнал «Русская мысль» и газета «Утро России».

С началом войны тема национального духа, судьбы России активно обсуждается на заседаниях религиозно-философского общества. В де-

кабре 1914 г. в Петербург приехал читать доклад «О современном патриотизме» С. Соловьев, троюродный брат и друг А. Блока. Чтение этого доклада в Религиозно-философском обществе имело принципиальный характер для определения позиций. С. Соловьев придал этой войне статус священной, в его выступлении звучит тема мессианства, которая долгое время была составной частью национальной идеи Руси – России. С его точки зрения, война России с Германией есть противостояние христианской «Святой Руси» и империалистической «антихристовой» Германии, поэтому в данном противостоянии Россия должна проявить все качества, которые демонстрировала христианская Русь в подобных ситуациях, – героизм, самоотверженность, любовь к Отчизне, жертвенность.

Несколько иную точку зрения на патриотизм высказывал В. Соловьев, считавший, что нужен лишь тот патриотизм, который сосредоточен не на внешней мощи своего народа, а возвращает его внутреннюю нравственно-религиозную силу. (Он, в какой-то степени, предвосхитил тезис Г. Федотова о том, что Россию спасет не Герой, а подвижник). В. Соловьев определяет национальность, то есть индивидуальность народа, как особую задачу служения единой и всенародной истине, которая на каждый народ возлагается самим Богом. С его точки зрения, национальность перерождается в национализм, или национальный эгоизм, в тот момент, когда происходит отказ от предписанного Богом соборного служения, расхищения духовной силы народа. То есть национализм – это тяжелое заболевание нации, часто ведущее к духовной и творческой смерти народа. В то время как большая часть общества обсуждала свое отношение к войне, В. Соловьев был одним из немногих, кто видел Россию уже после войны. И это будущее его пугало.

Пугало оно и А. Коновалова, точно предсказавшего судьбу России. «На другой день после мира у нас начнется кровопролитная внутренняя война. Это будет анархия, бунт, страшный взрыв пострадавших масс. <> При первых революционных взрывах правительство окончательно растеряется и бросит все русское общество на произвол судьбы. <> Спасение в одном – в организации себя, с одной стороны, в организации рабочих – с другой» [5, с. 94].

После потрясения в первые месяцы войны интеллигенция пыталась понять и осознать сложившуюся ситуацию. И если в начале военных действий она активно реагировала на происхо-

дующее, была готова принести в жертву существующей государственности и власти свои идеи и принципы, то позже интеллигенцию охватила растерянность, поскольку встал ряд вопросов, однозначных ответов на которые не мог дать никто: «Что такое Россия? Это народ или государство? Если мы так жаждали освобождения народа, то желать ли победы самодержавию?». Чуть позже русская интеллигенция поняла, что война способствовала еще большему разобщению нации, еще большему разочарованию в существующей государственности, еще большему отходу народа от веры.

Интеллигенты еще не до конца осознали, что народ, отошедший от Бога, затянутый в круговорот революционных и военных событий, теряет свою национальную принадлежность и становится массой, толпой. Они забыли о предостережениях А. Пушкина, писавшего о бессмысленности и беспощадности русского бунта. Но русский народ уже был охвачен «бунташным» духом, чем смогли воспользоваться революционеры разных мастей. Ибо только лозунг превращает толпу в партию, насилие же без идеологической поддержки быстро выдыхается. Именно идеология производит метаморфозы с людьми, позволяя направить накопившуюся в них агрессию против чего-то (кого-то) конкретного, она расширяет рамки дозволенного, приводит к противостоянию близких людей.

Распад единого ядра русской культуры, как было уже отмечено, начинается с религиозного раскола XVII в., когда общество разделилось на староверов и новоязыков. Позже ситуацию усугубили реформы Петра I, приведшие к возникновению в рамках одной нации двух субэтносов (аристократия и «народ»). А далее деление, дробление партий, союзов и прочих объединений становится в русской истории явлением перманентным. К началу XX в. этот процесс достигает пика. Предпринимаемые попытки сохранить и уберечь от распада общество, страну не увенчались успехом, а национальную идею России будет формулировать уже другая власть.

Библиографический список

1. Бердяев, Н. Философия свободы [Текст] / Н. Бердяев. – М. : Олма-Пресс, 2000. – 351 с.
2. Варламов, А. Алексей Толстой. Биография [Текст] / А. Варламов. – М. : Эксмо, 2009. – 736 с.
3. Лосев, А. Вл. Соловьев и его время [Текст] / А. Лосев. – М. : Прогресс, 1990. – 720 с.
4. Панченко, А. М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. Работы разных лет [Текст] / А. М. Панченко. – СПб. : ЗАО «Журнал “Звезда”», 2008. – 544 с.
5. Петров, Ю. А. Династия Рябушинских [Текст] / Ю. А. Петров. – М. : Русская книга, 1997. – 200 с.
6. Померанц, Г. Выход из транса [Текст] / Г. Померанц. – М. : Юрист, 1995. – 575 с.
7. Струве П. Patziotica. Политика, культура, религия, социализм [Текст] : сборник статей за 5 лет (1905–1910) / П. Струве. – СПб., 1911. – 526 с.
8. Утро России. 1907, 16 сентября.